

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080029140-1

ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННЫМИ АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ИСТОРИКАМИ
ПОЛИТИКИ КОМИНТЕРНА В АЗИИ

© 2024

И.А. СУЗДАЛЬЦЕВ^а^а – ГБОУ Школа №1381, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5204-0117; ialoko90@mail.ru

Резюме: В статье анализируется современная англоязычная историография политики Коммунистического интернационала в отношении азиатского региона. Выбор англоязычных стран обусловлен тем, что значительное количество исследований, посвящённых как непосредственно тактике Коминтерна в отношении Азии, так и деятельности его секций в этом регионе публикуются именно в США, Великобритании, Канаде, Австралии и Индии¹. Актуальность данной темы вызвана как открытием новых фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), которые в том числе затрагивают деятельность азиатских коммунистических партий, так и возникшей в связи с этим возможностью переосмыслить некоторые вопросы, в том числе связанные с политикой данных компартий: в чём заключалось влияние Коминтерна на их тактику; каков был характер этого влияния; какую роль в политике Коминтерна занимали национальный и колониальный вопросы и каковы результаты их реализации. Констатируется, что традиционалистский подход к анализу деятельности Коминтерна и его национальных секций, который оформился до и во время холодной войны по-прежнему значительно представлен в англоязычной историографии. Однако окончательное утверждение нового подхода («ревизионистского») способствовало определённому пересмотру существующих тенденций: в статье присутствуют оценки как отрицательного, так и положительного влияния Коминтерна на отдельно взятые компартии, на политическую ситуацию в стране или регионе. Автор приходит к выводу, что принадлежность к той или иной стране не обусловила отношения исследователей к одному из направлений: присутствуют историки из всех вышеперечисленных стран, стоящие на позициях традиционализма, ревизионистское направление включает в себя исследователей из США, Великобритании, Австралии и Индии. Принадлежность к этим направлениям достаточно условная, при этом ключевые расхождения исследователей по основным вопросам, а также участие в дискуссиях и определение своим оппонентам вполне устоявшихся взглядов позволяют так или иначе определить научную направленность их работ.

Ключевые слова: «традиционалисты», «ревизионисты», Коммунистическая партия Китая, Коммунистическая партия Индии, Коммунистическая партия Японии, Антиимпериалистическая лига, «третий период».

Для цитирования: Суздальцев И.А. Оценки современными англоязычными историками политики Коминтерна в Азии. *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 230–240. DOI: 10.31857/S086919080029140-1

¹ Индийские исследователи использованы в статье потому, что язык науки в этой стране – английский.

CONTEMPORARY ENGLISH-SPEAKING HISTORIANS
ON THE POLICY OF THE COMINTERN IN ASIA

© 2024

Ilya A. SUZDALTSEV^a^a – School № 1381, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5204-0117; ialoko90@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the modern English-language historiography on the policies of the Communist International in Asia. English-speaking countries were chosen due to a significant amount of research published there, devoted both to the tactics of the Comintern in relation to Asia, and to the work of its sections in this region. This topic has newly acquired relevance due to the opening of funds in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) that concern, among other things, the activities of Asian communist parties. These newly available documents present an opportunity for scholars to rethink some issues, such as policies of Asian communist parties: what was the influence of the Comintern on their tactics? What was the nature of this influence? What role did national and colonial questions play in the policy of the Comintern, and what were the results of their implementation? This article demonstrates that the traditionalist approach to the analysis of the Comintern's activities and its policies toward specific nations, which took shape before and during the Cold War, is still well represented in English-language historiography. However, approval of a new approach ("revisionism") contributed to a certain correction of existing trends: the article contains assessments of both the negative and positive influence of the Comintern on individual communist parties and political situation in the given country or region. The key differences of researchers' views on basic issues, as well as participation in discussionss, allow in one way or another to determine the academic direction of their work.*

Keywords: "traditionalists", "revisionists", the Communist Party of China, the Communist Party of India, the Communist Party of Japan, the Anti-Imperialist League, the "third period".

For citation: Suzdaltsev I.A. Contemporary English-Speaking Historians on the Policy of the Comintern in Asia. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 230–240. DOI: 10.31857/S086919080029140-1

В англоязычной историографии Коммунистического интернационала сложилось два концептуальных подхода к изучению его деятельности. Представители первого («традиционалистского») указывают на тотальный контроль за политикой Коминтерна и его зарубежных секций со стороны лидеров РКП(б)/ВКП(б) и Советского правительства, что способствовало его деятельности в русле внешнеполитических интересов последних; представители другого («ревизионистского») подхода рассматривают Коминтерн как объединение обладающих (в различные периоды в разной форме и степени) значительной независимостью в принятии внутренних ключевых политических решений коммунистических партий, также имеющих возможность участвовать в управлении этой международной организацией, и отмечают положительный вклад Коминтерна в решение различных мировых политических вопросов (в том числе колониального и расового) в первой половине XX в. [Суздальцев, 2022, с. 218].

Рост публикаций, посвящённых изучаемой теме, в англоязычной историографии датирован 1950–1980-ми гг. Историки отмечают отрицательные, либо положительные последствия вмешательства Коминтерна в азиатском регионе, а также исследуют уровень воз-

действия этой международной организации на национальные коммунистические партии. Исследователи, критикующие политику III Интернационала в Азии, приходят к выводам о том, что Коминтерн навязывал и контролировал политику Коммунистической партии Индии (КПИ) [Haithcox, 1971], Китая (КПК) [Harrison, 1972; Benton, 1975], из-за ошибок этой международной организации борьба за власть в Китае в 1920-е гг. закончилась победой Гоминьдана [Whiting, 1954; Brandt, 1958; Garver, 1988]. В достаточно большом количестве присутствуют публикации, в которых написано о стабилизирующем влиянии Коминтерна на Азию. Например, отмечается вклад III Интернационала в антиколониальную борьбу (даже таким известным «традиционалистом», как Т. Дрейпер) [Draper, 1960, p. 315–328]; историки пишут о том, что КПК была основана, в том числе из-за подъема китайского рабочего класса, и имела значительную независимость в принятии решений [North, 1963; Dirlik, 1989].

В последние десятилетия вопрос изучения деятельности Коминтерна в Азии по-прежнему значительно представлен в англоязычной русистике. Исследователей волнуют главным образом те же вопросы, которые были представлены в вышеупомянутом историографическом обзоре. Преобладают мнения о контроле за национальными коммунистическими партиями, а также об отсутствии у Коминтерна информированности об особенностях национальной специфики в регионе и его тактических ошибках. Например, У. Лакер и Р. Такер (оба – США), рассуждая о зависимости национальных компартий от Коминтерна приводят факт репрессий иностранных коммунистов в СССР, в том числе упоминая индийских, иранских и корейских деятелей коммунистического движения [Laqueur, 1990, p. 17–44; Tucker, 1992, p. 2–24]. Дж. Гарвер (США) отмечает, что Коминтерн постоянно вмешивался в политику КПК, это в том числе выразилось в том, что в конце 1936 г. партию вынудили создать единый фронт с националистической партией Гоминьдан, члены которого участвовали в убийстве китайских коммунистов за 9 лет до этого (т. н. Шанхайская резня 1927 г.) [Garver, 1992, p. 171]. Гр. Бентон (Великобритания) и М. Вайнер (США) пришли к выводу, что с середины 1920-х гг. китайские коммунисты стали напрямую зависеть от Коминтерна, что было достигнуто, в том числе за счет смещения независимого поколения китайских кадров, стоявших у истоков формирования партии [Benton, 1996, p. 2–16; Weiner, 1996, p. 168]. По мнению К. Хартфорд (США), к концу 1930-х гг. господство «группы вернувшихся студентов» внутри ЦК привело к более твердому следованию линии Коминтерна, которая, несмотря на периодические поправки и теоретические прикрасы, волей-неволей продолжала толкать региональные партийные организации к безрассудным восстаниям [Hartford, 1995, p. 104]. В действительности это не вполне так – в ЦК КПК входило незначительное количество выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), достаточно большое их число переходили в Гоминьдан или просто «терялись» [Суздальцев, 2023(2), с. 68–69]. О КУТВ пишет также М. Кирасирова (США), отмечая, что часть выпускников университета были репрессированы в СССР, а некоторым удалось скрыться от преследований [Kirasirova, 2017, p. 23–25].

Ф. Тейвес (Австралия) считает, что Коминтерн стал ужесточать политику в отношении КПК в 1930 г., после третьего пленума ЦК КПК, решениями которого руководство III Интернационала осталось недовольно. В Китай был экстренно направлен эмиссар Коминтерна П. Миф, по инициативе которого уже в январе 1931 г. партия провела четвертый пленум, в ходе которого критике был подвергнут руководитель Отдела пропаганды ЦК КПК Ли Лисань (вскоре он будет «закрыт» в Москве на 15 лет и сможет вернуться на родину только в 1946 г.), а на протесте Мифа Ван Мина возлагалась задача по борьбе с правыми уклонистами в КПК в качестве руководителя организационного отдела ЦК КПК [Teiwees, 1995, p. 199]. Наиболее полно контроль Коминтерна над КПК, по мнению историка, согла-

сившегося с ранее высказанным в историографии тезисом [Gill, 1990, p. 86], осуществлялся в 1937–1941 гг., после же окончательного утверждения Мао Цзэдуна в руководстве партии, влияние Коминтерна стало ослабевать [Teiwes, 1995, p. 221]. Однако стоит отметить, что в годы войны Коминтерн практически не занимался политикой зарубежных компартий, сосредоточившись на подготовке диверсантов, а уже в 1943 г. и вовсе был ликвидирован [Суздальцев, 2023 (1), с. 161–163]. Ситуацию с отправкой в Китай П. Мифа и продвижением Ван Мина также описывает в своей статье А. Панцов (США). Также историк отмечает, что КПК полностью зависела от Москвы, которая требовала только одного – абсолютного подчинения [Pantsov, Levine, 2012, p. 228]; что зачастую китайские коммунисты вообще не могли заработать никаких средств, полностью находясь на обеспечении Коминтерна; что инициатива на конфронтацию с «правыми гоминьдановцами» незадолго до событий 1927 г. принадлежала И.В. Сталину [Pantsov, 2017, p. 598, 601, 605].

В коллективной монографии, посвящённой «третьему периоду» Коминтерна (когда был взят курс на жёсткую конфронтацию с социалистическими и социал-демократическими партиями и организациями в 1928–1934 гг.), серьёзно критикуется политика этой международной организации в Азии. М. Уорли (Великобритания) считает, что Коминтерн перешёл к третьему периоду из-за собственных ошибок (а не из-за международной ситуации, как объясняли это сами лидеры III Интернационала) в Китае, которые привели к репрессиям Чан Кайши (лидер Гоминьдана) в отношении КПК [Worley, 2004, p. 7]. Его соотечественник Дж. Каллаган пишет, что колониальный вопрос на конгрессах Коминтерна ставился в зависимости от геополитических интересов большевиков: на втором конгрессе активно рассматривался, на третьем не обсуждался, так как Советская Россия оказывала помощь правительству Мустафы Кемаля и заключила торговое соглашение с Англией [Callaghan, 2004(2), p. 22–23]. В другой статье историк отмечает, что в конце 1920-х гг. в Коминтерне была пресечена возможность дискуссий, за что из этой международной организации был исключён один из лидеров индийского коммунизма М. Рой. Каллаган также пишет, что, с другой стороны, Индийская компартия обладала определённой самостоятельностью в принятии решений – например, поиск путей сотрудничества с социалистами ими был осуществлён еще до VII конгресса Коминтерна, когда был принят курс на объединённый антифашистский фронт [Callaghan, 2004(1), p. 329–330, 334]. По мнению П. Странахэн (США), лидеры Коминтерна никогда не понимали китайскую национальную специфику, поэтому инициировали политику, которая была обречена с самого начала, а политика третьего периода была непрактичной в стране с незначительным и находящимся под жёстким политическим контролем рабочим классом, молодой коммунистической партией и мощным национальным правительством. Это выразилось в том, что лидеры КПК вынуждены были выдвигать туманные призывы к массовой организации в городских и сельских районах, в ожидании революционных возможностей, что подвергало членов партии неоправданной опасности; настойчивость партии в требованиях к рабочим участвовать в опасных забастовках и демонстрациях, привела к тому, что численность партии значительно сократилась, в первую очередь, ввиду арестов и казней [Stranahan, 2004, p. 302–304, 316]. Дж. Фаулер (США) считает, что руководители Коминтерна не отличали специфику фактически свободной Японии и полуколониального Китая, относя их к одной категории, поэтому в этих странах не удалось организовать последовательной политики, а также поддерживает вывод П. Странахэн в отношении деятельности КПК в третьем периоде [Fowler, 2007, p. 22, 80].

Д. Пристланд (Великобритания), с одной стороны, отдаёт должное Коминтерну в вопросе противодействия азиатских стран колониализму (отмечая, что в 1925 г. при помощи Коминтерна было основано Товарищество революционной молодежи Вьетнама

[Пристланд, 2011, с. 387]), с другой, пишет о его неудачах в этом регионе, в том числе из-за незнания местных условий: «между китайцами и Москвой возникли напряжённые отношения». «Большевизация» проводилась легко из-за того, что китайские коммунисты приветствовали дисциплину, «однако культурные различия между русскими и китайцами были слишком велики, кроме того, Москва применяла в Азии реформистские стратегии, в отличие от Европы, поэтому расхождения между стремлениями Коминтерна и местного населения неизбежно больше ощущались» [Пристланд, 2011, с. 391]; «грубые ошибки Коминтерна к 1927 г. привели к краху всех перспектив установления коммунизма в Китае, которые ещё два года назад казались такими реальными» [Пристланд, 2011, с. 397]. Схожие выводы о политике Коминтерна в Китае свойственны М. Крук (США) [Crooke, 2018, p. 11] и Б. Палмеру (Канада) [Palmer, 2019, p. 222].

Т. Сайч (США) считает, что агенты Коминтерна в Китае всегда были на шаг удалены от реалий, на которые они пытались влиять; при этом Коминтерн постоянно держал КПК под контролем, принимая, в том числе кадровые решения: например, в 1927 г. Чэнь Дусю (первый руководитель КПК) был отправлен в отставку с поста генерального секретаря партии [Saich, 2019]. Этот контроль, по мнению историка, начал осуществляться с 1923 г., когда в Китай был отправлен большевистский эмиссар М.М. Бородин на смену достаточно независимому в принятии решений нидерландцу Марингу. Сайч обвиняет Коминтерн в подталкивании восстания в Гуанчжоу в 1927 г., которое привело к гибели около 5 тыс. коммунистов и разрушению связей с городским пролетариатом. В 1937 г., пишет исследователь, пост генерального секретаря ЦК КПК был упразднен именно по требованию Коминтерна [Saich, 2021, p. 54, 71, 110]. Хотя Сайч не отрицает, что КПК в ранние годы существования обладала определенной самостоятельностью, утверждая, что вышеупомянутый Чэнь Дусю с момента основания партии был яростным противником большевизма, представленного Коминтерном, а КПК искала массовую поддержку как среди социалистов, так и среди радикальных националистов [Saich, 1991, p. 67; Saich, 2020, p. 194].

А. Панцов (США) пишет, что Л.Д. Троцкий и К.Б. Радек высказывали сомнения в правильности китайской политики Коминтерна еще в начале 1926 г., первый – после инцидента с кораблём «Чжуншань» (который под руководством коммуниста вице-адмирала Ли Чжилуна без приказа провёл ряд маневров в акватории Гуанчжоу, что способствовало введению чрезвычайного положения и аресту ряда коммунистов) [Pantsov, Benton, 1994, p. 52–66]; второй – по-видимому, после контактов со студентами, первая группа которых прибыла из Китая в ноябре 1925 г. (в 1925–1927 гг. Радек был ректором Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена): он поднял вопрос о пользе продолжающегося присутствия КПК в Гоминьдане, но его позиция не нашла одобрения среди руководства III Интернационала [Pantsov, 2021, p. 6], что в итоге привело к трагическим последствиям.

А. Белогурова (США, Германия) в совместной с российским ученым К.М. Тертицким монографии, а также в статье, посвящённой тайваньскому коммунистическому движению, высказывает мнение, что до конца 1930 г. тайваньские коммунисты не получали прямых указаний от Коминтерна и лучше бы их не было совсем: авантюристическая политика ИККИ не отражала реальной ситуации на Тайване и сыграла существенную роль в распаде партии в 1931 г. [Pantsov, 2007, p. 218; Belogurova, 2012, p. 30]. А. Панцов в рецензии на эту книгу добавляет, что фиаско коммунистов на Тайване было в значительной степени обусловлено относительно высоким уровнем жизни на острове, из-за чего протестные настроения были на достаточно низком уровне [Pantsov, 2007, p. 218–219]. В более поздних исследованиях Белогурова отмечает, что «большевизация» включала адаптацию политики к местным условиям; что Коммунистическая партия Малайи – не просто пешка Коминтерна, а «гибридная организация» корни которой уходят в национальные традиции [Belogurova,

2019, р. 5, 12]; что интернационализм Коминтерна соответствовал интернационализму китайских националистов [Belogurova, 2014, р. 454]. При этом историк продолжает настаивать на контроле Коминтерна, что, например, проявилось в 1929 г., когда КПК планировала создать в Малайе несколько коммунистических партий для каждого коренного народа, на что Коминтерн ответил, что в малайском государстве должна была быть только одна партия, в которую входили бы «рабочие всех национальностей». В итоге в 1930 г. КПК изменила свое представление о национальной партии в соответствии с идеей Коминтерна, чтобы, в том числе добиться продолжения финансирования из Москвы [Belogurova, 2019, р. 55–58]. Единый фронт в Китае (КПК с Гоминьданом) в 1936 г., по мнению Белогуровой, имеет положительные стороны, проявившиеся, в том числе в совместном сборе средств для китайских военных для противостояния военной агрессии Японии [Belogurova, 2013, р. 243].

Й. Францен (Великобритания) в статье, посвящённой взаимоотношениям Коминтерна с Коммунистической партией Палестины, высказывает мнение, что Коминтерн пытался «арабизировать» эту компартию, что встречало серьёзное сопротивление еврейских членов партии. Однако этот курс продолжался до того момента, пока это было выгодно Коминтерну. Например, в 1939 г. члены Высшего национального комитета (основанного в 1936 г. и состоявшего из лидеров палестинских арабских кланов и политических партий под председательством муфтия), которых ранее поддерживало руководство III Интернационала, были объявлены вредителями и предателями истинного национального движения арабского народа [Franzen, 2007, р. 10, 14]. Вероятнее всего, это произошло из-за того, что данный комитет был объявлен вне закона британской мандатной администрацией, а всю первую половину 1939 г. СССР искал пути для соглашения с Великобританией (в т. ч. на советско-франко-британских переговорах в Москве). Американско-израильский исследователь И. Фридман в предисловии к монографии Дж. Хен-Това (США, Германия) подробно останавливается на взаимоотношениях Коминтерна с Коммунистической партией Палестины, также отмечая, что Коминтерн был настроен проарабски, осуждая сионистов как шовинистов, фашистов и эксплуататоров арабских рабочих; в 1930-е гг. значительное количество евреев исключили, а партию пополнили арабы, которые не имели ничего общего с коммунистической идеологией; абсурдность пропаганды Коминтерна достигла своего апогея после прихода к власти Гитлера, когда Хагана (еврейская сионистская военная подпольная организация в Палестине) была обвинена в распространении «сионистского нацизма» [Friedman, 2012, р. xi–xii]. Сам автор монографии объясняет антиссионистскую позицию Коминтерна в Палестине постоянной озабоченностью проявлениями еврейского национализма внутри СССР [Hen-Tov, 2012, р. xiv].

В. Прашад (США, Индия) обвиняет Коминтерн в непоследовательности и игнорировании местных условий. Это выразилось, по его мнению, в том, что в 1920-е гг. руководители III Интернационала ограничивали большинство азиатских компартий во взаимодействии с националистическими организациями, при этом в Китае подтолкнули КПК на союз с Гоминьданом, который закончился Шанхайской резнёй 1927 г. В Индии и Индонезии, по мнению историка, антиколониальный национализм в этот период превратился в мощную социальную силу, его представители не испытывали такой, как Гоминьдан, антипатии к коммунистам, но Коминтерн ошибочно отвергал сотрудничество с ними [Prashad, 2007, р. 29–30, 156]. Про давление Москвы в принятии решения о едином фронте с Гоминьданом в 1923 г. пишут также американцы Б. Эллеман [Elleman, 1995, р. 451] и М. Блехер [Blecher, 2022, р. 118]. В Индии, по мнению, А. Али Джана (Великобритания), коммунисты имели возможность участвовать в несогласованных с Коминтерном акциях, как, например, было в Карачи в 1936 г., проблема же была в том, что к этому времени уже прошли сталинские

чистки компартий во время третьего периода и Коммунистическая партия Индии была практически уничтожена [Ali Jan, 2018, p. 38, 74].

П. Бертон и М. Крук (оба – США), сосредоточившись на изучении Коммунистической партии Японии (КПЯ), отмечают, что сначала партия, по настоянию Коминтерна требовавшая свержения монархии, была запрещена, затем большинство членов партии, возвращавшихся из СССР, достаточно быстро арестовывались. В итоге к 1935 г. большая часть руководства КПЯ была за решёткой и не увидела свободы вплоть до освобождения их американским оккупационным правительством в октябре 1945 г. [Berton, 1992, p. 117; Berton, 2018, p. 16; Crooke, 2018, p. 20–25]. Бертон пишет, что в начале октября 1945 г. он случайно оказался перед токийским вокзалом, где увидел грузовики с изможденными японцами, размахивающими красными флагами и кричащими, как в пьяном бреду, – это были политзаключённые-коммунисты, освобождённые из тюрем по приказу генерала Дугласа Макартура [Berton, Atherton, 2018, p. 16]. Крук считает, что из-за критики социал-демократов в годы реализации тактики «класс против класса» (третий период) партия не смогла заручиться поддержкой рабочих, а в конце 1930-х гг. репрессиям в СССР было подвергнуто около 80 японских коммунистов [Crooke, 2018, p. 25].

С. Датта Гупта (Калькуттский университет, Индия) приходит к выводу, что создание Коммунистического Интернационала ускорило падение колониальной системы. В основном же его риторика направлена на критику политики Коминтерна в Азии: например, историк считает ошибочной критику Хо Ши Мина на VI конгрессе Коминтерна, из-за чего в Коммунистической партии Индокитае произошел раскол; Коминтерн, по его мнению, вынуждал национальные компартии, с одной стороны, поддерживать ряд антиколониальных восстаний, закончившихся жестким подавлением и репрессиями (восстание друзов в Сирии в 1925–1927 гг. и восстание советов Нге Тинь 1930 г. в Индокитае против Франции), с другой (после нападения Германии на СССР) – поддерживать во Второй мировой войне Великобританию и приостановить антиколониальную борьбу (как было с Коммунистической партией Индонезии) [Datta Gupta, 2017, p. 212, 223, 224, 226].

Ст. Хоу (Великобритания) и О. Драчевич (Канада) считают, что по вине Коминтерна созданная Антиимпериалистическая лига стала терять своё влияние в третий период, когда из нее вышли, либо были изгнаны те, кто не придерживался коммунистической идеологии [Howe, 1993, p. 74–77; Drachewych, 2019, p. 30]. Стоит сказать, что это действительно была достаточно авторитетная организация, созданная в 1927 г. для борьбы против колониального угнетения и империализма, на ее учредительном конгрессе присутствовали Альберт Эйнштейн и Джавахарлал Неру, в некоторой степени её идейным наследником является Организация солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. С. Датта Гупта называет две причины, способствовавшие изгнанию националистов из этой организации: неудачи Коминтерна в Китае и борьба против «правых» в ВКП(б) [Datta Gupta, 2017, p. 221].

В современной англоязычной историографии также представлены исследования, авторы которых подчёркивают главным образом достижения Коминтерна в Азии. Однако такие работы находятся в явном меньшинстве. М. Люк (Великобритания) считает, что лидеры КПК, изучению которой посвящена его монография, при национальном партстроительстве приветствовали большевистскую модель и были достаточно независимы от Коминтерна [Luk, 1990, p. 218–220]. Его соотечественник Х. ван де Вен, развивая эту тему, пишет, что партия в принципе была основана в основном по инициативе китайских интеллектуалов, политика КПК определялась в самом Китае [Van den Ven, 1991, p. 126–127, 243], при этом замечая, что инициатива единого фронта с Гоминьданом в 1923 г. всё же исходила от Коминтерна. Вторично созданный единый фронт с Гоминьданом в 1936 г., по мнению историка, был гораздо более продуктивным: КПК расширила свои вооружённые силы и увеличила число

своих членов [Van den Ven, 1995(1), p. 9–10]. В другой статье исследователь отмечает, что внутренняя оппозиция КПК формулировкам III конгресса Коминтерна об отношениях КПК и Гоминьданом была сильной и по ее требованию в 1924 г. была принята резолюция о том, что КПК должна стремиться к тому, чтобы взять на себя управление в Гоминьдане изнутри [Van den Ven, 1995(2), p. 25]. Единный фронт с Гоминьданом в 1936 г. – инициатива Мао Цзэдуна, пишет американский историк Д. Аптер [Apter, 1995, p. 145].

Д. Макнайт (Австралия) отмечает, что КПЯ к началу 1930-х гг. стала очень боеспособной единицей, настолько, что в результате работы в армии на определённое время удалось сорвать нападение Японии на Китай. Также Макнайт пишет про продуктивную деятельность Коминтерна в объединении азиатских рабочих: в 1927 г. состоялась Тихоокеанская конференция профсоюзов, в которую были вовлечены профсоюзы, включавшие в себя несколько десятков тысяч рабочих; в 1929 г. была создана Наньянская федерация труда, имевшая отделения в Сингапуре, Таиланде и Индонезии [McKnight, 2001, p. 85, 104, 114]. Д. Гупта (Делийский университет, Индия) отвергает представление о том, что индийские коммунисты были простыми агентами Советского Союза, и вместо этого помещает их в более широкий контекст расцветающего антиколониального движения [Gupta, 2008, p. 16–19].

В 2020 г. в США была опубликована коллективная монография «Эстетика Коминтерна». Публикации, представленные в ней в основном посвящены рассмотрению деятельности Коминтерна с позиций влияния на мировую культуру. Например, С. Шингави (США) пишет, что встреча деятелей коммунистического движения с представителями индийской интеллигенции в Лондоне в 1935 г. способствовала созданию в 1936 г. Индийской ассоциации прогрессивных писателей. Отчасти эта встреча явилась прямым результатом участия индийских писателей на Парижском конгрессе в защиту культуры в 1935 г., где были установлены тесные контакты между индийскими писателями и европейскими писателями коммунистических взглядов [Shingavi, 2020, p. 111].

В изучении данной темы сохраняется ряд исследовательских проблем: несмотря на факт открытия новых архивных фондов, значительное число документов остаются засекреченными, либо вновь засекречиваются. К тому же, далеко не все англоязычные историки имеют возможность получить к ним доступ (при этом стоит сказать, что данная тенденция была в основном свойственна публикациям, увидевшим свет в 1990-е гг., работы последних десятилетий базируются на более широкой источниковой базе из российских архивов).

В целом отмечается значительный интерес историков к политике Коммунистического интернационала в Азии: изучается влияние этой международной организации на коммунистические партии Китая, Индии, Японии, Тайваня, Малайи, Палестины, Индокитая, Индонезии, делаются выводы как плодотворной, так и деструктивной деятельности Коминтерна и его структур в рамках различных событий на азиатском континенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Пристланд Д. *Красный флаг: история коммунизма*. М.: Эксмо, 2011 [Priestland D. *The Red Flag: a History of Communism*. Moscow: Eksmo, 2011 (Russian translation)].

Суздальцев И.А. Оценки современными англоязычными историками политики Коминтерна в Африке. *Восток (Oriens)*. 2022. № 5. С. 217–226 [Suzdaltsev I.A. Assessments by modern English-speaking historians of the policy of the Comintern in Africa. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 217–226 (in Russian)].

Суздальцев И.А. Антифашистская деятельность Коминтерна в годы Великой Отечественной войны. *Войны в истории. 1943-й: год коренного перелома во Второй мировой войне. Новые архивные документы, новые подходы, новые интерпретации: Сборник материалов Тринадцатой междуна-*

родной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2023». М.: Политическая энциклопедия, 2023(1). С. 161–163 [Suzdaltsev I.A. Anti-Fascist Activism of the Comintern during the Great Patriotic War. *Wars in History. 1943: The Turning Point in World War II. New archival documents, new approaches, new interpretations: Proceedings of the Thirteenth International Conference of Young Scientists and Specialists "Clio-2023"*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia, 2023(1). Pp. 161–163 (in Russian)].

Суздальцев И.А. Китайское направление политики Коминтерна. *Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (19 мая 2023 года)*. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023(2). С. 67–71 [Suzdaltsev I.A. The Chinese Direction of the Policy of the Comintern. *Historical and Cultural Heritage of Russia and China: Issues of Study, Preservation and Development: collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference (May 19, 2023)*. Krasnodar: Krasnodarsky gosudarstvenny institut kultury, 2023. Pp. 67–71 (in Russian)].

Ali Jan A. *A Study in the Formation of Communist Thought in India, 1919–1951*. Submitted to the Faculty of History in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at the Faculty of History, University of Cambridge, 2018.

Apter D. Discourse as Power: Yan'an and the Chinese Revolution. *New perspectives on the Chinese Communist revolution*. Ed. by T. Saich, H. J. van de Ven. New York: Taylor & Francis, 1995. Pp. 113–147.

Belogurova A. Communism in South East Asia. *The Oxford Handbook of the History of Communism*. Ed. by S.A. Smith. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 237–252.

Belogurova A. The Chinese International of Nationalities: the Chinese Communist Party, the Comintern, and the foundation of the Malayan National Communist Party, 1923–1939. *Journal of Global History*. 2014. Vol. 9. Pp. 447–470.

Belogurova A. The Civic World of International Communism: Taiwanese communists and the Comintern (1921–1931). *Modern Asian Studies*. 2012. Vol. 46. Pp. 1–31.

Belogurova A. *The Nanyang Revolution. The Comintern and Chinese Networks in Southeast Asia, 1890–1957*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Benton G. *China's Urban Revolutionaries: Explorations in the History of Chinese Trotskyism, 1921–1952*. New Jersey: Humanities Press, 1996.

Benton G. The “Second Wang Ming Line” (1935–38). *China Quarterly*. 1975. No. 61. Pp. 61–94.

Berton P. The Japan Communist Party: The “Lovable” Party. *The Japanese party system*. Ed. by R.J. Hrebennar [et al.]. Boulder: Westview Press, 1992. Pp. 116–150.

Berton P., Atherton S. *The Japanese Communist Party*. New York: Routledge, 2018.

Blecher M. The Communist Party of China, the working class, and social change, 1920–1949. *Class and the Communist Party of China, 1921–1978. Revolution and Social Change*. London, New York: Routledge, 2022. Pp. 108–120.

Brandt C. *Stalin's Failure in China, 1924–1927*. Cambridge: Harvard University Press, 1958.

Callaghan J. Blowing Up India: The Comintern and India, 1928–35. *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period*. Ed. by M. Worley. London: Tauris, 2004(1). Pp. 319–336.

Callaghan J. Storm Over Asia: Comintern Colonial Policy in the Third Period. *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period*. Ed. by M. Worley. London: Tauris, 2004(2). Pp. 18–37.

Crooke M.J. *Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party*. Master's Projects and Capstones. University of San Francisco, 2018.

Datta Gupta S. Communism and the Crisis of the Colonial System. *The Cambridge History of Communism. Volume I. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941*. Ed. by S. Pons and S.A. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 212–231.

Dirlik A. *The Origins of Chinese Communism*. New York: Oxford University Press, 1989.

Drachewych O. *The Communist International, Anti-Imperialism and Racial Equality in British Dominions*. London, New York: Routledge, 2019.

- Draper T. *American Communism and Soviet Russia*. New York: Viking Press, 1960.
- Elleman B.A. Soviet Diplomacy and the First United Front in China. *Modern China*. 1995. Vol. 21. No. 4. Pp. 450–480.
- Fowler J. *Japanese and Chinese Immigrant Activists. Organizing in American and International Communist Movements, 1919–1933*. New Jersey: Rutgers University Press, 2007.
- Franzen J. Communism versus Zionism: The Comintern, Yishuvism, and the Palestine Communist Party. *Journal of Palestine Studies*. 2007. Vol. 36. No. 2. Pp. 6–24.
- Friedman I. Preface to the Transaction Edition. Hen-Tov J. *Communism and Zionism in Palestine during the British Mandate*. New Jersey: Transaction Publishers, 2012. Pp. ix–xii.
- Garver J. Comment: Mao, the Comintern and the Second United Front. *The China Quarterly*. 1992. No. 129. Pp. 171–179.
- Garver J. The Origins of the Second United Front: The Comintern and the Chinese Communist Party. *The China Quarterly*. 1988. No. 113. Pp. 29–59.
- Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: University Press, 1990.
- Gupta D.N. *Communism and Nationalism in Colonial India, 1939–1945*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2008.
- Haithcox J.P. *Communism and nationalism in India: M.N. Roy a Comintern policy, 1920–1939*. Princeton: Princeton univ. press, 1971.
- Harrison J.P. *The Long March to Power: A History of the Chinese Communist Party, 1921–1972*. New York: Praeger, 1972.
- Hartford K. Fits and Starts: The Communist Party in Rural Hebei, 1921–1936. *New perspectives on the Chinese Communist revolution*. Ed. by T. Saich, H.J. van de Ven. New York: Taylor & Francis, 1995. Pp. 88–114.
- Hen-Tov J. *Communism and Zionism in Palestine during the British Mandate*. New Jersey: Transaction Publishers, 2012.
- Howe S. *Anticolonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Kirasirova M. The “East” as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration. The Arab Section of the Communist University of the Toilers of the East. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. No. 1. Pp. 7–34.
- Laqueur W. *Stalin: The Glasnost Revelations*. New York: Scribner, 1990.
- Luk M.Y. *The Origins of Chinese Bolshevism. An Ideology in the Making 1920–1928*. Oxford: Oxford univ. press, 1990.
- McKnight D. *Espionage and the Roots of the Cold War*. Oxford: Routledge, 2001.
- North R.C. *Moscow and the Chinese Communists*. Stanford: Stanford University Press, 1963.
- Palmer B. How Can We Write Better Histories of Communism? *Labour / Le Travail*. 2019. Vol. 83. Pp. 199–232.
- Pantsov A. *Karl Radek on China. Documents from the Former Secret Soviet Archives*. Leiden, Boston: Brill, 2021.
- Pantsov A. Review: Taiwan’skoe kommunisticheskoe dvizhenie i Komintern (1924–1932 gg.): Issledovanie. Dokumenty (The Taiwanese Communist Movement and the Comintern (1924–1932): Study. Documents). K.M. Tertitskii and A.E. Belogurova. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2005. 624 pp. *The China Quarterly*. 2007. No. 189. Pp. 218–219.
- Pantsov A. The Chinese Communist Movement 1919–1949. *The Cambridge History of Communism. Volume I. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941*. Ed. by S. Pons, S.A. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 594–615.
- Pantsov A., Benton G. Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang ‘From the First’? *Republican China*. 1994. Vol. 19. No. 2. Pp. 52–66.

- Pantsov A., Levine S. *Mao: The Real Story*. New York: Simon and Schuster, 2012.
- Prashad V. *The Darker Nations. A People's History of the Third World. A New Press People's History*. New York: The New Press, 2007.
- Saich T. *Finding Allies and Making Revolution. The Early Years of the Chinese Communist Party*. Leiden, Boston: Brill, 2020.
- Saich T. *From rebel to ruler: one hundred years of the Chinese Communist Party*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2021.
- Saich T. The Chinese Communist Party During the Era of the Comintern (1919–1943). *Institute of World Politics*. 2019. https://www.iwp.edu/wp-content/uploads/2019/05/20150914_TonySaichTheCCPduringtheEraoftheComintern.pdf (accessed: 10.10.2023).
- Saich T. *The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevliet (Alias Maring)*. Leiden, Boston: Brill, 1991.
- Shingavi S. India–England–Russia: The Comintern Translated. *Comintern Aesthetics*. Ed. by A.M. Glazer, S.S. Lee. Toronto: University of Toronto Press, 2020. Pp. 109–132.
- Stranahan P. The Chinese Communist Party During the Third Period, 1927–34. *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period*. Ed. by M. Worley. London: Tauris, 2004. Pp. 301–318.
- Teiwes F. From a Leninist to a Charismatic Party: The CCP's Changing Leadership, 1937–1945. *New perspectives on the Chinese Communist revolution*. Ed. by T. Saich, H.J. van de Ven. New York: Taylor & Francis, 1995. Pp. 191–233.
- Tucker R. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York: W.W. Norton & Company, 1992.
- Van den Ven H.J. *From Friend to Comrade: The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927*. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Van den Ven H.J. Introduction. *New perspectives on the Chinese Communist revolution*. Ed. by T. Saich, H.J. van de Ven. New York: Taylor & Francis, 1995. Pp. 9–16. 1995 (1).
- Van den Ven H.J. The Emergence of the Text-Centered Party. *New perspectives on the Chinese Communist revolution*. Ed. by T. Saich, H.J. van de Ven. New York: Taylor & Francis, 1995. Pp. 16–40. 1995 (2).
- Weiner M. Comintern in East Asia. McDermott K., Agnew J. *The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin*. London: Macmillan Press Ltd., 1996. Pp. 158–190.
- Whiting A. *Soviet Policies in China, 1917–1924*. New York: Columbia University Press, 1954.
- Worley M. Courting Disaster? The Communist International in the Third Period. *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period*. Edited by M. Worley. London: Tauris, 2004. Pp. 1–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУЗДАЛЬЦЕВ Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории, ГБОУ Школа №1381, Москва, Россия.

Ilya A. SUZDALTSEV, PhD (History), History teacher, School No. 1381, Moscow, Russia.